

Малютина Екатерина Владимировна

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ЯПОНИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье рассматривается проблема влияния религии (синтоизма) на формирование национальной идентичности японцев в начале XXI века. Автор анализирует связь между проявлением японской идентичности и желанием Японии играть более весомую роль в мировых процессах. Прослеживается взаимосвязь между официальным курсом по отношению к храму Ясукуни и ростом международных амбиций Японии в начале XXI века, раскрываются причины напряженности японо-китайских отношений, а также выявляется влияние укрепления японской идентичности на перспективы изменения регионального статуса страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 121-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

выпитого спиртного. Комментарии, как говорится, излишни. (Сразу вспоминается наш замечательный мультфильм, когда длину удава определяли в попугайчиках, а не в привычных метрах).

Таким образом, введение новых временных измерений в художественной литературе позволяет автору создать особенную метрику событий и действий, отличную от науки с ее ориентацией на объективное описание бытия.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Плаха. И дольше века длится день. М.: АСТ; Астрель, 2010.
2. Брэдбери Р. И грянул гром: 100 рассказов. М.: Эксмо; Домино, 2010.
3. Вольтер Ф.-М. Микромегас // Вольтер Ф.-М. Философские повести. М.: Правда, 1985. С. 123-142.
4. Воннегут К. Колыбель для кошки. Кишинев: Литература артистикэ, 1981. 710 с.
5. Гарин И. И. Пророки и поэты. М.: Терра, 1995. Т. 7. 688 с.
6. Кортасар Х. Преследователь: рассказы. СПб.: Лениздат, 1993. 539 с.
7. Магомедов К. М. Метафора времени в темпоральных аспектах бытия // Гуманитарный часопис. Х., 2005. № 1. С. 43-47.
8. Магомедов К. М. Особенности нефизических экспликаций феномена времени как универсальной формы бытия // Вісник Харківського національного університету. Х., 2001. № 507. С. 96-101.
9. Маркес Г. Сто лет одиночества. М.: Азбука – Классика, 2008. 368 с.
10. Маршак С. Лирика. Переводы. СПб.: Лениздат, 1996.
11. Набоков В. Другие берега. Киев: Азбука, 2011. 272 с.
12. Пастернак Б. Ночь // Пастернак Б. Избранное: в 2-х кн. М.: Художественная литература, 1991. Кн. 1.
13. Пруст М. В поисках утраченного времени: в 2-х т. М.: Альфа-книга, 2009. 2488 с.
14. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

TIME IN FICTION

Magomedov Kamil' Magomedovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Dagestan State Institute of National Economy
magomedov49@mail.ru

In the article some peculiarities of chronological and psychological time and their reflection in fiction are revealed. It is noted that a talented writer or poet refuses chronological time measurement, which is indifferent to the destinies and characters of heroes in its content, and introduces a special chronotope of existence significantly different from its physical metric. This allows creating a special panorama of events inaccessible for science with its orientation to objective truth.

Key words and phrases: time; physical time; chronological time; psychological time; fiction; physicalism in science.

УДК 327.51

Политология

В статье рассматривается проблема влияния религии (синтоизма) на формирование национальной идентичности японцев в начале XXI века. Автор анализирует связь между проявлением японской идентичности и желанием Японии играть более весомую роль в мировых процессах. Прослеживается взаимосвязь между официальным курсом по отношению к храму Ясукуни и ростом международных амбиций Японии в начале XXI века, раскрываются причины напряженности японо-китайских отношений, а также выявляется влияние укрепления японской идентичности на перспективы изменения регионального статуса страны.

Ключевые слова и фразы: Япония; храм Ясукуни; синтоизм; японо-китайские противоречия; 9-я статья Конституции Японии; безопасность; Нанкинская резня; внешнеполитический курс Синдзо Абэ.

Малютина Екатерина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
emalyutina@yahoo.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ЯПОНИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА[©]

Поиск национальной идентичности и борьба за сохранение или укрепление статуса относятся к числу ключевых проблем, с которыми сталкиваются многие современные государства в разных регионах мира. Безусловно, понимание «себя» по отношению к «другим» является важным фактором, определяющим как место той или иной державы в международной иерархии, так и специфику проводимой ею политики. Кроме того, идентичность решающим образом влияет на понимание нацией своих интересов, а также на отношение нации к окружающему миру, отдельно взятым государствам и международной системе в целом. Важно также отметить, что любая идентичность формируется в течение продолжительного промежутка времени в ходе исторических

процессов и «передается от поколения к поколению посредством социализации, претерпевая определенные эволюционные изменения, возникающие по мере развития этого процесса...» [16, р. 21]. Это обстоятельство побуждает обращать особое внимание на отношение нации к своей истории и религии в процессе конструирования идентичности и самоопределения внутри международной системы в целом или в рамках ее региональных подсистем. В настоящей статье будут проанализированы ключевые черты японской национальной идентичности и рассмотрены особенности ее эволюции в начале XXI века. Это позволит определить ключевые факторы и возможные сценарии изменения статуса Японии как региональной державы в «постбиполярную эпоху».

Летом 2014 года Кабинет министров Синдзо Абэ одобрил резолюцию с изменениями в юридическом толковании 9-й статьи Конституции Японии. С 1947 года, согласно Конституции, написанной при непосредственном участии США, Японии запрещается участие в любых военных конфликтах и не разрешается иметь собственную регулярную армию. Однако довольно быстро 9-я статья стала интерпретироваться в том ключе, что Япония, как член ООН, имеет полное право на оборону, благодаря чему с 1954 года Япония располагает Силами Самообороны, на которые распространялось множество ограничений (хотя эти ограничения постепенно смягчались: например, небольшой японский контингент участвовал в военных миссиях ООН в Ираке и Афганистане) [4]. Согласно новой трактовке, японские Силы Самообороны превращаются в регулярную армию: теперь допускается использование Сил Самообороны за пределами Японии для защиты союзников от нападения общего врага с той оговоркой, что обязательно должна присутствовать угроза Японии. Таким образом, Япония становится обладательницей вооруженных сил, бюджет которых, согласно Стокгольмскому институту мира, является пятым в мире и составляет порядка 59-ти млрд долларов США [1]. Безусловно, подобная новость не могла остаться незамеченной не только внутри Японии, но и далеко за её пределами: прежде всего, она возбудила ближайших соседей – Республику Корея (далее – РК) и КНР, что неудивительно, учитывая трудное и до сих пор не пережитое общее историческое прошлое. И РК, и КНР уже выразили свое недовольство милитаризацией США, откровенно пригрозив ухудшением отношений. Тем не менее эту новость оптимистично встретили США, которые давно подталкивают Японию к расширению зоны своей ответственности в регионе, поскольку сейчас, когда растущая мощь КНР вызывает откровенные опасения, США необходимы сильные союзники в регионе. Все это позволяет предположить, что Япония в обозримом будущем станет обладательницей регулярной армии без каких бы то ни было ограничений, оговорок и в любых интерпретациях. Представляется интересным тот путь, который прошла Япония в подготовке этого решения, в подготовке общественного мнения японцев, мирового мнения, в отстаивании своего права снова быть в клубе «полноценных» игроков, быть «фуцу-но куни» [12]. Комплексность и многоаспектность процесса включает в себя как внешнеполитические устремления Японии, развитие ситуации в регионе, мировую политическую конъюнктуру, так и вопросы социокультурного развития нации, национального подъема, вопросы исторического прошлого.

Как показывает мировая история, в моменты, когда государству необходимо единение, сплочение и поднятие духа населения, чаще всего прибегают к помощи религии или определённой идеологии. В случае с Японией это – синтоизм, который одновременно является и религией, и идеологией. Первоначально синтоизм представлял собой набор разнообразных верований, ритуалов и этических норм, до сих пор во многом являясь формой мировосприятия и мироощущения. Основная идеологическая составляющая синтоизма – исключительное происхождение нации, божественность государства и императора. Роль императора как первосвященника синтоизма, осуществляющего связь народа с божествами, помогла культу сохранить своё место в иерархии общества даже в моменты отстранения от политической власти, что способствовало сохранению синтоизмом роли национальной религии как общей для всех японцев идеологии в период становления и расцвета буддизма.

Главным священным синтоистским святилищем является храм Ясукуни, построенный в Токио в 1869 г., получивший статус «Особого императорского святилища» и находившийся в ведении ведомства армии и флота, священнослужители же назначались туда с согласия военного руководства страны. Роль главных распорядителей на различных праздниках этого храма выполняли военные начальники, а охрану несли подразделения военной жандармерии. У входа в храм – надпись: «Здесь покоятся те, кто принёс высшую жертву во имя Родины» [14]. С момента основания в храме почитаются души воинов, когда-либо отдавших жизнь за Японию: в храме хранится порядка 2,5 млн поминальных табличек с именами воинов. В 1975 году премьер-министр Мики Такео после посещения храма Ясукуни ввёл в обиход премьер-министров давать своим визитам в Ясукуни оценку «визит частного лица» [Там же], хотя предшественники никак не комментировали свои редкие посещения. В 1979 г. премьер-министр Охира Масаёси и его преемник Судзуки Дзёэнко посетили храм. Охира Масаёси дал тогда следующий комментарий относительно увековечивания памяти 14-ти «преступников класса А» в храме Ясукуни и степени их виновности: «Я считаю, что история даст оценку 14-ти “преступникам класса А” и Великой Восточно-азиатской войне» [2]. Тогда КНР и РК никак не отреагировали на посещение храма Охиры и Судзуки.

Первый протест посещения храма Ясукуни высокопоставленными японскими чиновниками китайской стороной был сделан в 1985 году, после посещения храма Ясуйиро Накасоне [7, с. 68]. Следующее посещение храма высокопоставленным японским чиновником состоялось в 1996 году, и в ответ РК и КНР выразили протесты. На протяжении второй половины XX века посещения японскими чиновниками храма Ясукуни были эпизодическими и не носили регулярного характера, однако в XXI веке визиты в Ясукуни стали систематическими, и более того – эти визиты стали камертонами внешнеполитического курса Японии. 13 августа 2001 года, в канун Дня капитуляции Японии (15 августа), премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми посетил храм Ясукуни. Визит Дзюньитиро Коидзуми в Ясукуни был встречен протестами, выраженными на официальном уровне правительствами РК и КНР. Пиком протестов стал 2005 год, когда в КНР на улицу вышли демонстранты, скандирующие антияпонские лозунги и принявшие громить офисы японских компаний.

Китай и другие страны Азии считают посещение премьер-министром храма Ясукуни проявлением равнодушия, учитывая колониальное наследие Японии в регионе. Во время встречи Дзюньитиро Коидзуми с Ху Дзиньтао в рамках Азиатско-африканского саммита в Джакарте в 2005 году [5] китайский лидер призвал Японию более адекватно воспринимать своё милитаристское прошлое. Этим призывом Ху Дзиньтао коснулся не только темы посещения японским премьер-министром храма Ясукуни, но и появления нового японского школьного учебника, который, по мнению Китая, пытается умалчивать о действиях Японии в военное время. Учитывая, что в большинстве государств точка зрения, выраженная в учебниках по истории, является отражением официальной позиции по вопросам, касающимся хода и интерпретации истории, каждая новая публикация учебников по истории в Японии вызывает пристальное внимание региональных соседей, вызывая множество споров, выступая причиной возбуждения очередных волн антияпонских настроений.

Ситуация обострилась с приходом к власти Ясиро Накасонэ в 1982 году, известного своими неоконсервативными взглядами. Годом ранее, в 1981 году, в Японии был создан Народный совет в защиту Японии, ставивший своей основной задачей реформу народного образования и гражданского воспитания в духе патриотизма, а также пересмотр Конституции 1947 года. В 1982 году японская газета «Асахи-симбун» опубликовала информацию о распоряжении Министерства просвещения Японии в школьных учебниках именовать действия японской армии в Китае «продвижением войск», а применять слово «агрессия» по отношению к действиям японской армии в Китае запрещалось [9]. Данное сообщение вызвало волну негодования в КНР и Республике Корея. В ответ 26 июля 1982 года глава Кабинета министров Японии Киити Миядзава сделал заявление, в котором заверил соседей в том, что Япония осознаёт весь груз ответственности, лежащий на ней за совершённые злодеяния во время войны, и впредь Министерство образования Японии при издании учебников будет учитывать чувства пострадавших от действий Японии стран [8].

Новая волна споров вокруг исторических трактовок была вызвана публикацией в 1995 году книги американской журналистки А. Чен «Нанкинская резня» и в 1997 году дневника немецкого предпринимателя, главы китайского филиала компании «Сименс» и по совместительству председателя Международного комитета Нанкинской зоны безопасности Д. Рабе, обнародованного А. Чен [15]. Издания сразу стали бестселлерами в США, став сенсационным открытием, а в Японии издания были подвергнуты серьёзной научной критике. В книге А. Чен «Нанкинская резня» И. Хата и его коллега А. Кукс насчитали множество фактических ошибок и фальсификаций [6]. Ценность дневника Д. Рабе с точки зрения историографии была поставлена под вопрос японскими академическими кругами, поскольку и на Токийском трибунале, и в печать был представлен не оригинал, а авторская копия, и после Токийского процесса дневник оставался невостребованным около полувека, хотя является явным доказательством позиции сторонников Токийского трибунала. Также у японских учёных вызывают сомнения многие факты, о которых упоминает Рабе, поскольку больше об этих фактах не упоминает никто.

В 2000 году «Японское общество за реформацию учебников» выпустило новый учебник по истории, содержание которого, по сути, явилось закономерным, учитывая накал борьбы в обществе, являя собой реакционный ответ правых. После внесения в текст учебника 137-ми поправок Министерство просвещения Японии допустило школьный учебник к тиражу. Бурю протестов на уровне внешнеполитических ведомств со стороны КНР и РК вызвал сам факт одобрения учебника Министерством. Протест изданию этих учебников выразили все крупные японские издательства, кроме «Санкэй», традиционно являющейся опорой ревизионистов. Государственные школы не отважились принять для обучения этот учебник из-за сильного давления профсоюзов и левых организаций.

Одним из главных пунктов, возмущивших региональных соседей, было то, как освещаются события в Нанкине. «Нанкинская резня» лишена в данном учебнике тех подробностей, которыми снабжены учебники, созданные С. Иэнага, или учебники, издаваемые Министерством образования КНР или РК. Авторы учебника, целью которого было создание более позитивного образа Японии, чаще и подробнее останавливаются на «положительных» моментах истории, избегая давать острые негативные оценки тому, что заслуживает (с точки зрения позиции сторонников Токийского трибунала) порицания. Также в учебниках КНР, РК и Японии совсем по-разному указывается принадлежность ряда спорных территорий и истории владения ими.

Таким образом, очевидно, что в настоящее время «исторический фактор» в отношениях между Японией и соседями имеет комплексный характер, так или иначе затрагивая практически все стороны взаимоотношений между государствами. Именно по этой причине любые изменения в статусе современной Японии очень остро воспринимаются соседями. Безусловно, «милитаризация» Японии имеет комплексный характер, и «исторический фактор» вкупе с посещениями храма Ясукуни является, скорее, отражением внешнеполитического курса страны, формирующегося под давлением современных реалий: наращивающая свою мощь КНР; враждебный настрой КНДР, ситуация на Корейском полуострове; внешнеполитические амбиции самой Японии, стремящейся найти новые пути развития и позиционирования себя в условиях меняющегося мирового порядка.

С приходом Синдзо Абэ все чаще звучат в адрес Японии обвинения в растущем милитаризме, в возрождении былых имперских амбиций и прочие опасения. Синдзо Абэ – третий глава Японии после Накасонэ и Коидзуми, который открыто воплощает идею укрепления национальной безопасности страны и превращения Японии в «нормальную страну» (*фуну-но кuni*). Идея «подведения итогов Второй мировой войны» принадлежит Ясиро Накасонэ, который провозгласил её в 1980-е годы: целью ставилось избавление Японии от синдрома «проигравшей нации» и снятие с себя самоограничений, которые Япония приняла на себя, провозгласив пацифизм основой своей государственной политики. К этой теме также возвращался и Дзюньитиро Коидзуми. Синдзо Абэ поставил во главу угла своей программы «подведение итогов» и создание «оборонительной армии». Некоторые исследователи говорят о переходе Японии от «вынужденного реализма» к «активному пацифизму» [10].

С приходом к власти в 2012 году ЛДП Японии взяла курс на реформирование своей системы безопасности. В 2013 году правительство Японии приняло пакет программных документов, нацеленных очертить контуры политики в сфере обеспечения национальной безопасности на ближайшие годы, таких как «Стратегия национальной безопасности», «Основные направления программы национальной обороны» и «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала». В ближайшее время планируется пересмотр документа «Руководящие принципы японо-американских отношений», последняя редакция которого была сделана в 1997 году. Ожидается, что в новой версии документа будут расставлены новые акценты взаимодействия Японии и США в сфере безопасности, отвечающие новым реалиям и вызовам. Предполагается, что в документе будет говориться о распределении бремени и ответственности согласно меняющимся возможностям сторон. Есть высокая вероятность, что обновляющийся союз США и Японии, как и изменения в Японии в сфере национальной безопасности, нацелен на сдерживание КНР как в решении территориального вопроса, так и в вопросах распространения влияния и роста геополитических амбиций Китая. Возрастающая роль Японии заметно повышает боеготовность, признание права на коллективную оборону даст возможность принимать активное участие в миссиях ООН, что, безусловно, только укрепит союз, встретит поддержку США и вызовет озабоченность у региональных соседей. Для реализации планов коллективной обороны в регионе видится необходимым Японии начать конструктивный диалог с соседями, убедить их в отсутствии агрессии в выстраиваемой политике национальной безопасности, что будет не просто, учитывая всю сложность и комплексность не только сложившейся ситуации, но и до сих пор не разрешенного исторического вопроса.

В целом сохранение Японией ее аутентичной религии, являющейся ключевым проявлением национальной идентичности и фундаментом гражданской системы ценностей, можно считать важнейшей предпосылкой трансформации регионального статуса страны. Поэтому не вызывает удивления ни появление «исторической» проблемы во взаимоотношениях Японии с ближайшими соседями, ни обострение дебатов о возрождающемся национализме, историческом ревизионизме и даже агрессивных планах Японии. Все это тем не менее лишь способствует укреплению японской идентичности, поскольку позволяет проводить четкие границы (в историческом, военно-политическом и религиозном смыслах), обособливающие японскую нацию от ее ближайших соседей и указывающие ей свой путь развития. С этой точки зрения три ключевые составляющие национальной идентичности Японии приобретают особое значение в начале XXI века. Во-первых, это синтоизм как религия, обуславливающая уникальность японской нации среди других народов Восточной Азии и объединяющая японцев в идеологическом смысле. Ключевую роль здесь играет храм Ясукuni, не только воплощающий основные религиозные ценности нации, но также представляющий собой политический символ, консолидирующий японское общество как единую социальную общность. Во-вторых, это патриотизм, опирающийся на подчеркнуто уважительное отношение японцев к своей истории и предлагающий собственную концепцию недавнего исторического прошлого, акцентирующую проявления национального величия и ретуширующую «темные стороны» прошлого страны. Так, Японии удалось сохранить основные институты, мифологию, в общих чертах и политическую элиту прежнего государства: только самые одиозные военные и политические лидеры подверглись суду. В-третьих, это осознание японцами особой роли их страны в Восточной Азии, а также их убеждение в наличии объективных предпосылок для повышения статуса Японии в начале нового столетия. Как следствие, общественное мнение все больше склоняется к необходимости обретения страной автономии в области внешней политики и наращивания военного потенциала, причем как оборонительного, так и наступательного. В результате углубляющиеся противоречия с другими странами региона оказываются обусловленными не столько кардинальным различием национальных интересов, сколько меняющимся представлением японцев о себе как нации, обладающей своей историей, специфической религией и идентичностью, указывающей на необходимость соответствия регионального статуса Японии ее возросшему потенциалу и исторической роли в Восточной Азии.

Список литературы

1. **Братерский А., Матвеева П.** Япония готова воевать. Токио снимает с себя бремя Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/07/02_a_6094733.shtml (дата обращения: 05.06.2014).
2. **Визиты частного лица Коидзуми в храм Ясукuni и японская дипломатия: необходимость нового нерелигиозного военного мемориала** // Ёмиури симбун. 2005. 4 июня.
3. **Дух храма Ясукuni напоминает японцам о войнах, которые вели их предки** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/arch/religy/06may2004/yasukuni.html> (дата обращения: 31.08.2014).
4. **Зорин А.** Японцы уходят из Ирака [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/06/21/yaponiya.html> (дата обращения: 01.10.2014).
5. **Лидеры Китая и Японии провели первые переговоры после антияпонских погромов** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/23apr2005/jak.html> (дата обращения: 29.09.2014).
6. **Молодяков В.** «Нанкинская резня» и послевоенная Япония [Электронный ресурс]. URL: <http://news.leit.ru/archives/5661> (дата обращения: 01.10.2014).
7. **Молодякова Э.** Многоаспектность проблемы святилища Ясукuni // Япония. 2007. № 36. С. 48-68.
8. **Никитин В.** Япония тоже переписит учебники [Электронный ресурс]. URL: http://static.gazeta.ru/science/2013/03/23_a_5003289.shtml (дата обращения: 27.09.2014).
9. **Сиротко-Сибирская Н.** Проблема японских школьных учебников: Корея, Китай и «Фусося» [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.kz/articles/3185.html> (дата обращения: 27.09.2014).

10. **Сковоронских М.** Синдзо Абэ в поисках безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3911#top (дата обращения: 01.10.2014).
11. **Стрельцов Д.** Япония: новая политика национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=3078#top (дата обращения: 01.10.2014).
12. **Участие в коллективной обороне – поворотное изменение политики безопасности Японии** [Электронный ресурс]. URL: <http://vovworld.vn/ru-RU/Комментарии/Участие-в-коллективной-обороне-поворотное-изменение-политики-безопасности-Японии/251453.vov> (дата обращения: 07.10.2014).
13. **Эсаулова Д. Е.** Сеул – Токио: попытки преодоления прошлого (2000-2011 гг.) [Электронный ресурс] // Ойкумена. 2012. № 1. URL: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2012_01_05.pdf (дата обращения: 10.10.2014).
14. **Ясукуни** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.japantoday.ru/entsiklopediya-yaponii-ot-a-do-ya/yasukuni.html> (дата обращения: 30.07.2014).
15. **Chang I.** The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. N. Y.: Basic Books, 1997. 290 p.
16. **Chernoff F.** The Power of International Theory. Reforging the Link to Foreign Policy-Making through Scientific Enquiry. L. – N. Y.: Routledge, 2005. 253 p.
17. **Lionel Pierre Fatton.** Is Japan Now Finally a Normal Country? [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2013/12/is-japan-now-finally-a-normal-country/> (дата обращения: 10.10.2014).

NATIONAL IDENTITY AND REGIONAL STATUS OF JAPAN AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Malyutina Ekaterina Vladimirovna
Saint Petersburg State University
emalyutina@yahoo.ru

The article examines the problem of the influence of religion (Shinto) on the formation of the national identity of the Japanese at the beginning of the XXI century. The author analyzes relation between the manifestation of the Japanese identity and the aspiration of Japan to play more significant role in the world processes. The researcher emphasizes interconnection between official line with respect to Yasukuni Shrine and the growth of the international ambitions of Japan at the beginning of the XXI century, reveals reasons for the tension of the Japanese-Chinese relations and identifies the influence of the consolidation of the Japanese identity on prospects for the change of the regional status of the country.

Key words and phrases: Japan; Yasukuni Shrine; Shinto; the Japanese-Chinese antagonisms; Article 9 of the Japanese Constitution; safety; Nanking Massacre; foreign-policy course of Shinzō Abe.

УДК 614

Исторические науки и археология

Статья посвящена перестройке краевой системы здравоохранения в годы Великой Отечественной войны. Проанализировано изменение сети и условий работы лечебных учреждений. Особое внимание уделено решению кадровой проблемы учреждений здравоохранения, рассмотрены особенности функционирования госпиталей, добивавшихся в тяжелых условиях войны высокой эффективности деятельности. Автор обобщает практический опыт краевой системы здравоохранения по противозидемиологической работе, по охране здоровья детей.

Ключевые слова и фразы: здравоохранение; эвакуогоспитали; противозидемиологические мероприятия; профилактика; врачебные участки; оздоровительная кампания; фельдшерские пункты; патронирование.

Мезит Людмила Эдгаровна, к.и.н., доцент

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
mezit@yandex.ru

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[©]

История здравоохранения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны пока не стала предметом специального исследования, хотя ее отдельные аспекты раскрыты в работах Б. И. Ханенко, в сборнике «История Красноярского края. Медицина» и др. [6; 7; 9].

Целью данной статьи является комплексный анализ изменений, произошедших в краевой системе здравоохранения в тяжелый для страны период.

В связи с началом Великой Отечественной войны работа органов здравоохранения существенно изменилась. Основными задачами, стоявшими перед медиками, стали: предупреждение инфекционных и эпидемиологических заболеваний в связи с притоком значительных масс людей из других регионов страны; качественное обслуживание оборонных, сельскохозяйственных предприятий и снижение детской заболеваемости, а также качественная работа в госпиталях [2, д. 529, л. 223].